

Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста

Михаил Киселёв

Манифест о вольности дворянства служить и не служить (далее – Манифест), подписанный 18 февраля 1762 г. Петром III, занимает особое место в истории российского дворянства. Именно этот документ стал первым законодательным актом, в котором официально закреплялись привилегии дворянского сословия. В то же время история написания и принятия данного законодательного акта до конца не выяснена. Как справедливо отмечает В.П. Наумов, «достоверным фактом является лишь непосредственное участие императора в принятии манифеста, а прочие обстоятельства его появления по-прежнему остаются нерешённой загадкой»¹. Е.Н. Марасинова схожим образом отмечает, что «в историографии существуют различные точки зрения по поводу причин издания, реального воплощения и результатов этого по-своему загадочного документа российской монархии, который был подписан во время чрезвычайно короткого и невнятного правления, но имел колоссальные последствия»². Отмеченная Наумовым и Марасиновой загадочность Манифеста во многом является следствием того, что до сих пор не обнаружены подготовительные черновые материалы, достоверно связанные с его созданием. Из документальных источников такого рода в распоряжении у исследователей имеются только запись из журнала Сената от 17 января 1762 г., в которой зафиксировано соизволение Петра III «дворянам службу продолжать по своей воле»³, и текст, подписанный сенаторами 8 февраля 1762 г. для поднесения императору⁴, который ничем не отличался от текста Манифеста, утверждённого им 18 февраля 1762 г.⁵ Конечно, исследователи имеют возможность обратиться к свидетельствам современников. Однако проблема в том, что эти свидетельства не вполне согласуются между собой. Так как от реконструкции обстоятельств создания Манифеста напрямую зависит определение места и значения этого законодательного акта в истории дворянского сословия и его самосознания, историки предпринимали

© 2014 г. М.А. Киселёв

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26 июня 2013 г. Автор выражает благодарность Е.С. Корчиной за помощь при подготовке статьи.

¹ Наумов В.П. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На Российском престоле: Монархи Российские после Петра Великого. М., 1993. С. 312.

² Марасинова Е.Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история. 2007. № 4. С. 21.

³ РГАДА, ф. 248, д. 3426, л. 283.

⁴ Там же, д. 3427, л. 134–138.

⁵ РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 96, л. 99–103 об. ПСЗ-I. Т. 15. № 11444. С. 912–915.

попытки найти документы, которые могли бы прояснить историю его создания. В поисках новых источников обращались они и к материалам Уложенной комиссии. Это было связано с тем, что некоторые современники (Екатерина II, кн. М.М. Щербатов) указывали на гр. Р.И. Воронцова, главу комиссии в 1761–1762 гг., как на человека, причастного к созданию данного законодательного акта. Кроме того, в Уложенной комиссии в 1761–1762 гг. готовилась глава 22 «О дворянах и их преимуществе» III книги проекта Уложения, поэтому исследователи предположили, что комиссия могла быть причастна и к созданию Манифеста. Следует также отметить, что историки, обращавшиеся к бумагам Уложенной комиссии, в поисках истоков Манифеста пытались найти свидетельства того, что вольность дворянства служить и не служить обсуждалась ещё при Елизавете Петровне, а не стала импровизацией Петра III или его приближённых.

Первым предпринял попытку проследить взаимосвязь между деятельностью комиссии и принятием Манифеста Г.В. Вернадский в своей студенческой статье 1914 г. Просмотрев бумаги комиссии в Кодификационном отделе Архива Государственного совета (ныне они хранятся в РГАДА), историк пришёл к выводу, что «положения самого манифеста не были... выработаны предварительно в комиссии; о них, по-видимому, не подымалось даже и разговора». При этом он всё же счёл возможным заключить, что «дух идей манифеста, конечно, носился над работами комиссии». Отталкиваясь от свидетельств современников, Вернадский указал на генерал-прокурора А.И. Глебова и Р.И. Воронцова как на главных лиц, принимавших при Петре III участие в создании Манифеста. Кроме того, он обратил внимание на то, что Пётр III в своем заявлении от 17 января 1762 г. ссылаясь в отношении службы на пример лифляндского дворянства. Тот факт, что последнее упоминалось в Уложенной комиссии в 1761 г., когда обсуждался вопрос о разрешении российским дворянам ездить для обучения в чужие края, позволил ему сделать следующий вывод: «Очевидно, что свобода ездить для обучения в чужие края – один из основных пунктов в кругу дворянских вольностей – обсуждалась в комиссии еще в 1761 г. и была вызвана именно примером лифляндского дворянства. Следовательно, главные проводники манифеста о вольности дворянской действовали и в законодательной комиссии»⁶. Спорность такого наблюдения заключается в том, что в Уложенной комиссии в 1761 г. возможность покинуть Россию предполагалась только для дворянских недорослей и только как один из вариантов завершения обязательного образования, по окончании которого они должны были поступать на государственную службу⁷. Манифест Петра III давал такое право дворянам, уже вышедшим в отставку⁸.

Однако историк счёл возможным не обращать внимания на эти расхождения. При этом Вернадскому всё же надо было как-то объяснить, почему в бумагах Уложенной комиссии при Елизавете Петровне вольность дворян служить и не служить ни разу не упоминалась. Историк нашёл объяснение в нежелании Воронцова конфликтовать с фаворитом Елизаветы Петровны И.И. Шуваловым,

⁶ Вернадский Г.В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. Т. 20. Пг., 1915. С. 55.

⁷ См.: Киселёв М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 35–36.

⁸ ПСЗ-1. Т. 15. № 11444. С. 913.

который был сторонником обязательной государственной службы для дворян. Посчитав, что комиссия при Елизавете Петровне недостаточно быстро работала над главой о дворянстве, Вернадский выдвинул следующее предположение: «Можно думать, что гр. Р.Л. Воронцов сознательно задерживал обсуждение главы о дворянских правах. Елизавета Петровна с начала 1761 г. уже была больна. Можно было ожидать её кончины и связывать известные расчёты с воцарением её приемника. Р.Л. Воронцов не хотел санкционировать мнением комиссии проект дворянских преимуществ при Елизавете и Шуваловых, потому что при Петре III он надеялся достичь гораздо большего. Эти расчёты не были ошибочными, комиссия протянула главу о дворянских правах до смерти Елизаветы – и появился Петровский манифест о вольности дворянской»⁹. Таким образом, Вернадский связывал создание Манифеста прежде всего с позицией Воронцова, которая сформировалась ещё при Елизавете Петровне. Для объяснения, почему эта позиция не получила выражения до 1762 г., исследователь на основании вольного истолкования немногословных свидетельств современников и косвенных данных из бумаг Уложенной комиссии сконструировал противостояние Воронцова и Шуваловых. Констатируя, что «дух идей Манифеста, конечно, носился над работами комиссии», он так и не смог привести документальных свидетельств о причастности комиссии и Воронцова к созданию текста законодательного акта.

В советское время к проблеме создания Манифеста обратился Н.Л. Рубинштейн. Анализируя бумаги Уложенной комиссии, он пришёл к выводу, что «программа дворянской вольности от службы попадает в текст проекта (главы 22. – М.К.) ещё при Елизавете Петровне (в самом конце её царствования), несмотря на... отрицательное отношение к этому вопросу Шуваловых»¹⁰. Соответственно, основным автором текста, который был взят за основу при создании Манифеста, по Рубинштейну, также оказывался Р.И. Воронцов, глава комиссии. В духе советского марксизма историк сделал акцент на экономических правах дворянства, содержащихся в главе 22. По мнению Рубинштейна, первична была борьба между экономическими программами Воронцова и П.И. Шувалова, а не вопрос о дворянской службе¹¹. Если Г.В. Вернадский главным антагонистом Воронцова считал И.И. Шувалова, то Рубинштейн – П.И. Шувалова, связанного с ним А.И. Глебова, а также идейно примыкавшего к ним Д.В. Волкова.

Такая позиция советского историка внесла вклад в поддержание концепции о борьбе в начале 1760-х гг. придворных группировок. Отталкиваясь от наблюдений Рубинштейна, уже С.О. Шмидт писал, что «особенно напряженной была борьба группировок Шуваловых и Воронцовых»¹². Однако проблема заключалась в том, что, как и Вернадский, Рубинштейн не приводил прямых доказательств этой борьбы. Сам факт существования группировок Шуваловых и Воронцовых был неочевидным. Например, английский историк Р.Н. Байн, основываясь на анализе донесений иностранных дипломатов из Петербурга,

⁹ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁰ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и её проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. Т. 38. М., 1951. С. 238.

¹¹ Там же. С. 239–240.

¹² Шмидт С.О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 55.

писал о существовании в начале 1760-х гг. единой партии Воронцовых–Шуваловых¹³. В 1991 г. свои сомнения в существовании борьбы между Шуваловыми и Воронцовыми высказал В.П. Наумов¹⁴. Далекое не бесспорными оказываются и наблюдения Рубинштейна о документальных источниках. Историк проигнорировал историю редактирования главы 22 «О дворянах и их преимуществе». В своей работе он использовал только первую и последнюю редакции этой главы, не обратив внимания на её промежуточные варианты. В итоге, как показывает С.В. Польской, Рубинштейн на основании малозначительных стилистических правок отнёс текст, созданный в конце царствования Петра III – начале царствования Екатерины II, т.е. уже после принятия Манифеста, ко времени Елизаветы Петровны¹⁵. В итоге историки, ссылаясь на Рубинштейна, строили свои рассуждения на неверном выводе о том, что основные положения Манифеста были подготовлены ещё в конце царствования Елизаветы Петровны¹⁶.

Введя в научный оборот несколько новых источников, С.В. Польской показал, как и Г.В. Вернадский, что в бумагах Уложенной комиссии елизаветинского времени нет прямых свидетельств об обсуждении вольности дворянства служить и не служить до 1762 г. В то же время, отталкиваясь от косвенных свидетельств, он полагает, что «проект о вольности дворянства был создан Р.И. Воронцовым в конце царствования Елизаветы. Вероятно, этот проект не попал в елизаветинскую редакцию 22-й главы вследствие противодействия Шуваловых и позиции самой императрицы, не пожелавшей отступить от принципов своего отца. Вступление на престол Петра III открывает перед Р.И. Воронцовым возможность вернуться к обсуждению своей идеи»¹⁷. Здесь Польской фактически воспроизводит предположения Вернадского, хотя и заходит несколько дальше: если Вернадский писал о «духе манифеста», то Польской пишет уже о проекте.

Эта гипотеза не выглядит обоснованной. Первым косвенным свидетельством в её пользу оказывается недатированная записка И.И. Шувалова, адресованная некоей императрице. Она была опубликована П.И. Бартеневым в 1867 г. в числе бумаг Шувалова под номером III. Польской, основываясь на том, что в записке упоминается война, датирует её «эпохой Семилетней войны»¹⁸. Однако никаких доказательств того, что упоминаемая война – Семилетняя, а императрица, которой была адресована записка, – Елизавета Петровна, ис-

¹³ *Bain R.N.* Peter III. Emperor of Russia. The Story of a Crisis and a Crime. N.Y., 1902. P. 39.

¹⁴ *Наумов В.П.* Организация и внутриполитическая деятельность Конференции при Высочайшем дворе (1756–1762 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 190. См. также: *Киселёв М.А.* Указ. соч. С. 32, 34.

¹⁵ *Польской С.В.* «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // *Cahiers du Monde Russe*. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 321.

¹⁶ См., например: *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // *The American Historical Review*. 1970. Vol. 75. № 5. P. 1291–1292; *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 66; *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 56; *Leonard C.S.* Reform and Regicide: the Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993. P. 49; *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 42; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 303; *Елисеева О.И.* Екатерина Великая. М., 2013. С. 119.

¹⁷ *Польской С.В.* «На разные чины разделяя свой народ...»... P. 322.

¹⁸ *Польской С.В.* Политические проекты И.И. Шувалова конца 1750 – начала 1760-х годов // *Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма* / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2000. С. 230.

торик не приводит. Так, упоминание о «великом о дворянстве попечении» со стороны императрицы, из-за которого могли пойти «в отставку многие дворяне»¹⁹, можно рассматривать как отсылку к Жалованной грамоте дворянству 1785 г. Именно по этому законодательному акту «благородным, находящимся в службе», разрешалось «службу продолжать и от службы или увольнения по сделанным на то правилам» (п. 18)²⁰. В связи с этим записку, содержащую предложение Шувалова о том, что «надобно теперь учредить, чтоб без крайней нужды никто из службы не ходил, предписав записавшимся в службы несколько лет выслужить, а впредь ободрить»²¹, можно отнести к временам русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ограничение отставок имело смысл только после того, как они были разрешены, т.е. после издания Жалованной грамоты 1785 г.

Второе (и последнее) косвенное подтверждение гипотезы – свидетельство М.М. Щербатова, который, согласно Польскому, «указывает, что Роман Воронцов постоянно твердил о вольности дворянства»²². Однако в данном случае историк явно неточно пересказывает текст щербатовского памфлета «О повреждении нравов в России». В нем Щербатов писал, что Д.В. Волков рассказывал ему, как перед написанием текста Манифеста «вспомнил нередкия вытвержения государю (Петру III. – М.К.), от графа Романа Ларионовича Воронцова, о вольности дворянства»²³. Как явствует из данного пассажа, это было не непосредственное свидетельство Щербатова, а свидетельство о свидетельстве, которое вдобавок напрямую не указывало на царствование Елизаветы Петровны. Таким образом, такие косвенные свидетельства не позволяют с уверенностью утверждать, что до воцарения Петра III идея о вольности дворянской вообще высказывалась членами Уложенной комиссии, не говоря уже о составлении каких-либо проектов. Это также подтверждается анализом бумаг Уложенной комиссии²⁴.

Следует указать на одно отнюдь не косвенное свидетельство, которое было проигнорировано Г.В. Вернадским, Н.Л. Рубинштейном и С.В. Польским. Якоб Штелин, учитель, а впоследствии библиотекарь вел. кн. Петра Фёдоровича, в своих записках сообщал: «Самое замечательное дело, которое совершил он (Пётр III. – М.К.) в первые дни правления, есть... уничтожение Тайной канцелярии... и дарование русскому дворянству свободы служить или не служить, выезжать из государства и проч. Об этих двух главных предметах и о веротерпимости часто говорил он, будучи великим князем»²⁵. Таким образом, есть прямое, заслуживающее доверия и не требующее конспирологических объяснений свидетельство, что идея о вольности дворянства служить и не служить была выдвинута самим Петром ещё до его воцарения. Более того, это объясняет, почему Пётр, не процарствовав и месяца, принял решение дать дворянству такую вольность. Скорее всего, для императора это было уже вполне обдуманное решение.

¹⁹ Бумаги И.И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 70–71.

²⁰ Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. С. 34.

²¹ Бумаги И.И. Шувалова. Стб. 71.

²² Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»... Р. 322.

²³ Щербатов М.М. Сочинения. Т. II. Статьи историко-политические и философские. СПб., 1898. Стб. 224.

²⁴ Киселёв М.А. Указ. соч.

²⁵ Штелин Я. Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 35. На это обстоятельство, хотя и без ссылки на Я. Штелина, обратил в том числе внимание А.С. Мильников (Мильников А.С. Пётр III // Вопросы истории. 1991. № 4. С. 51).

Вечером 16 января 1762 г. придворным служителям объявили, чтобы они «были ко Двору» к 8 часам утра, так как Пётр III «соизволит иметь Высочайший выход, при котором оным персонам быть надлежит». Император планировал торжественное посещение правительственных учреждений, в том числе первое официальное посещение Сената²⁶. Существует мемуарное свидетельство Екатерины II, посвящённое петровскому выходу утром 17 января. Она вспоминала, что «по прошествии трёх недель по кончине» Елизаветы Петровны «идучи чрез переднюю, нашла тут князя Михаила Иван[овича] Дашкова, плачущаго и вне себя от радости». Дашков сообщил ей, что Пётр III «достоин, дабы ему воздвигнуть штату золотую; он всему дворянству дал вольность, и с тем едет в Сенат, чтоб там объявить». Сама Екатерина ответила на это Дашкову: «Разве вы были крепостные и вас продавали донныне? В чём же эта вольность состоит?». Екатерина нашла необходимым вступить в заочную дискуссию с восторженной оценкой петровского акта «дарования вольности». Она отметила, что дарованная вольность заключалась «в том, чтоб служить и не служить по воле всякаго». В связи с этим императрица замечала: «Сие и прежде было, ибо шли в отставку, но осталось изъстари, что дворянство, с вотчин и поместья служа все, кроме одряхлелых и малолетных, в службе империи записаны были; вместо людей дворянских Пётр I начал рекрут собирать, а дворянство осталось в службе. От чево вздумали, что в неволе. Роман Воронцов и генерал-прокурор (А.И. Глебов. – М.К.) думали великое дело делать, доложу государю, дабы дать волю дворянству, а в самом деле выпросили ни что иное кроме того, чтоб всяк был волен служить и не служить»²⁷. Таким образом, Екатерина пыталась представить самое популярное деяние Петра результатом некоторого непонимания дворянами своего положения. Более того, согласно екатерининскому комментарию, оно было обусловлено просьбами Воронцова и Глебова, а не мнением самого Петра. В её интерпретации получалось, что Пётр, поддавшись на уговоры приближённых, которых еще и неправильно понял, даровал дворянам вольность, которая и так у них была. Принимая во внимание заинтересованность Екатерины в дискредитации мероприятий свергнутого ею супруга²⁸, достоверность её комментариев вызывает некоторые сомнения.

В Сенате готовились к прибытию императора. Генерал-прокурор А.И. Глебов прибыл ещё до семи часов утра, сенаторы И.И. Неплюев, гр. Р.И. Воронцов и кн. П.Н. Трубецкой – в течение восьмого часа, И.И. Костюрин, А.Г. Жеребцов, кн. Н.Ю. Трубецкой и гр. А.И. Шувалов – в течение девятого часа. Сам Пётр III прибыл в 10 часов. После «апробации» сенатских докладов император, помимо прочего, «из Высочайшей своей к верноподданным отеческой милости соизволил дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают, а когда военное время будет, то они все явитися должны на таком основании, как и в Лифляндии с дворянами поступаетца, о чём с обстоятельством сочиня формуляр поднести к Высочайшему его императорского величества подписа-

²⁶ Журналы камер-фурьерские, 1762 года. [Б.м. и г.] С. 9–10.

²⁷ *Екатерина II*. Записки. СПб., 1907. С. 532. Некоторые историки иногда ошибочно относят описанную Екатериной встречу с М.И. Дашковым ко времени утверждения Манифеста 18 февраля 1762 г. См., например: *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 66.

²⁸ См., например: *Leonard C.S.* The Reputation of Peter III // *The Russian Review*. 1988. Vol. 47. № 3; *Калашиников Г.В.* Заметки об образовании будущего императора Петра III // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 131–132.

нию»²⁹. Более подробно содержательная часть выступления Петра освещена в депеше австрийского дипломата гр. Ф. Мерси Аржанто. 1 февраля н.с. (21 января ст.с.) 1762 г. он писал в Вену: «28-го числа прошедшего месяца (17 января ст.с. – *М.К.*) его величество император русский торжественно отправился в собрание Сената и объявил там формальным указом или государственным предписанием дворянство России впредь свободным на тех же основаниях, как дворянство Лифляндии. Вследствие этого императорского указа русскому дворянству дозволяется: беспрепятственно уезжать в чужие страны, отказываться от гражданской и военной службы, принимать места при иностранных дворах и вообще пользоваться всеми теми же правами свободы, какие даны поданным других монархических государств»³⁰. Также некоторую информацию может дать записка из Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел, отправленная из Петербурга 18 января 1762 г. одному из российских дипломатов. В ней секретарь М. Эк сообщал, что Пётр «соизволил объявить всему Сенату о жалуемой его величеством всему российскому дворянству волности, на таком самом основании, какое в европейских государствах ползуется»³¹. Принимая во внимание приведённые сведения, ряд норм Манифеста можно напрямую связать с выступлением Петра в Сенате. Это, прежде всего, сама «вольность и свобода» российским дворянам, которые могли продолжать службу «сколь долго пожелают, и их состояние им дозволит» (п. 1), т.е. руководствуясь собственным желанием, затем – разрешение дворянам свободно выезжать в европейские государства (п. 4), а также заявленная в п. 6 возможность призвать неслужащих дворян, если «особливая надобность востребует»³².

После петровского повеления 17 января 1762 г. о подготовке формуляра в Сенате должна была начаться соответствующая работа. Г.В. Вернадский, опираясь на свидетельства современников, при анализе процесса создания Манифеста в качестве непосредственного автора указал на генерал-прокурора А.И. Глебова, а также определил Р.И. Воронцова, «как лицо, которое... особенно хлопотало о манифесте»³³. В отношении же Уложенной комиссии он отметил, что «манифест, опубликованный 20 февраля и полученный в комиссии 22 февраля, немедленно целиком был внесен в проект будущей 22 главы III ч. Уложения»³⁴. Таким образом, по его мнению, комиссия и при Петре III не имела непосредственного отношения к Манифесту.

Н.Л. Рубинштейн представил более сложную картину создания Манифеста. Он считал, что «воронцовский проект главы 22 выдвинул в первую очередь именно комплекс социально-экономических привилегий дворянства и продолжал отстаивать его и в дальнейшем. Освобождение от обязательной службы было лишь дальнейшим развитием этой программы». В связи с этим историк задавался следующим вопросом: «Почему же этот вопрос, продолжавший интересовать определённые круги дворянства и позже, не нашёл места в манифесте?» Ответ на этот вопрос был найден в борьбе придворных Петра III: «Имеются все основания предполагать, что именно противодействие Волкова

²⁹ РГАДА, ф. 248, д. 3426, л. 277–277 об., 283. Журналы камер-фурьерские, 1762 года. С. 9–10.

³⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 18. СПб., 1876. С. 94.

³¹ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 415, л. 1.

³² ПСЗ-1. Т. 15. № 11444. С. 913–914.

³³ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 54.

³⁴ Там же. С. 57–58.

и Глебова должно было привести к фактическому урезанию проекта привилегий дворянства в манифесте 1762 г.»³⁵. Такая постановка вопроса, равно как и выводы, стали возможны на основании двух произвольных допущений. Прежде всего, что вольность служить вытекала из экономических привилегий. Другое допущение – это отказ самому Петру в собственных взглядах, восприятие императора как некой марионетки, управлявшейся исключительно приближёнными. Однако эти допущения никак не обосновывались Рубинштейном.

С.В. Польской во многом пошёл по тому же пути: «Итак, идея “вольности дворянской” вышла из Уложенной комиссии Воронцова. Однако сам Манифест о вольности появился через месяц после посещения императором Сената. Почему Манифест был опубликован так поздно? Наконец, почему Манифест не включал все те широкие дворянские права и привилегии, которые были уже описаны Уложенной комиссией, а ограничился отменой обязательной службы?» Как и Рубинштейн, Польской ищет ответы в борьбе придворных и утверждает, что «Р.И. Воронцов представил свой проект расширения дворянских прав с утверждением монополий дворянства на землю и крепостных, винное производство и торговлю. Ставленники П.И. Шувалова – генерал-прокурор А.И. Глебов и секретарь императора Д.В. Волков – не могли допустить утверждения подобной монополии. Вероятно, их мнение разделял и сам Пётр III»³⁶. Чтобы доказать факт существования такого проекта, Польской обращается к Уложенной комиссии. В её бумагах сохранился беловик редакции 22 главы «О дворянах и их преимуществах», относящийся ко времени Петра III. При этом петровская редакция имела весьма интересное отличие от известных до настоящего времени проектов главы 22 периода царствования Елизаветы Петровны. Введённая в научный оборот Польским вторая елизаветинская редакция главы состояла из 16 статей³⁷. Беловик петровской редакции уже состоял из 12 статей, однако восьмая статья «О преимуществах дворянских» была разбита на десять подстатей, каждая из которых посвящалась конкретному дворянскому преимуществу. При этом в качестве первого преимущества обозначена «вольность»³⁸. На основании таких отличий Польской выстраивает следующую цепочку рассуждений, которая должна обосновать существование некоего воронцовского проекта: «Во-первых, сама структура документа (петровского беловика. – М.К.) указывает на то, что статья восьмая является явно “иностраным телом” по отношению ко всему тексту, она нарушает логическое построение документа, его структуру... Во-вторых, при простейшем сравнении строения документа, что отдельные положения статьи восьмой легли в основу текста Манифеста. Это позволяет предполагать, что вставная статья как раз и является тем самым проектом Р.И. Воронцова “О преимуществах дворянских”, или первым вариантом Манифеста, который отверг Пётр III. В-третьих, все статьи главы 22, кроме восьмой, прямо восходят к елизаветинской редакции, между тем как восьмая статья не имеет в бумагах Уложенной комиссии никаких черновиков или набросков, что также указывает на её постороннее происхождение»³⁹.

³⁵ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 239–240.

³⁶ Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»... Р. 324.

³⁷ См. о них: Там же. Р. 317–320; Киселёв М.А. Указ. соч. С. 36–37.

³⁸ РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 63, ч. II, л. 378.

³⁹ Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»... Р. 325.

В таких рассуждениях историк ступает на довольно зыбкую почву догадок. Проблема заключается в том, что предположения, не обеспеченные в должной степени показаниями источников, нередко оказываются ошибочными, а что кажется нелогичным историку, могло быть вполне логичным для конкретного актора. Мне удалось обнаружить среди бумаг Екатерины II документ, связанный с редактированием главы 22 в 1761–1762 гг.: это ещё одна редакция главы, написанная в царствование Елизаветы Петровны и правленая уже при Петре III⁴⁰. Датировать её позволяют следующие правки: в одном месте «государь родитель» переправлен на «государь дед», а в другом – «матернее наше благоутробие» на «отеческое наше благоутробие»⁴¹. Сам документ представляет собой черновик, в текст которого вносилась не только стилистическая, а и смысловая правка. Важно, что эта редакция состоит из 12 статей, а её восьмая статья «О преимуществах дворянских» разбита на семь подстатей, каждая из которых посвящена конкретному «дворянскому преимуществу», причем вольность дворянская среди них не фигурирует. Следовательно, восьмая статья, разбитая на подстатьи, появилась уже в самом конце царствования Елизаветы Петровны и не была связана с Манифестом, а 8 статья петровского беловика главы 22 имела, за исключением подстатьи о вольности, елизаветинский прототип. Таким образом, гипотеза С.В. Польского о создании Р.И. Воронцовым при Петре III проекта Манифеста, который включал не только вольность служить и не служить, а и другие права, не подтверждается.

Предложу свою реконструкцию истории создания текста Манифеста после петровского посещения Сената 17 января 1762 г. с учётом новых архивных материалов. Среди бумаг Екатерины II мной также были найдены черновые материалы редакции главы «О дворянах и их преимуществах» III книги Уложения, а точнее – её восьмой статьи, посвященной «преимуществам дворянским». Эта черновая редакция восьмой статьи датируется царствованием Петра III. Отмечу, что статья, как и упоминавшаяся выше черновая редакция конца царствования Елизаветы Петровны, была разделена на подстатьи-«преимущества». Однако обращает на себя внимание, что в качестве первого «преимущества» в ней фигурировало разрешение «всему благородному российскому дворянству пользоваться вольностью и свободою... на вечныя времена и в потомственные роды пожалованною так, что дворянин может служить в отечестве своем, сколь долго пожелает, и его состояние ему дозволит»⁴². Текст этого «преимущества» в своих основных положениях совпадал с Манифестом.

Уже после того, как эта черновая редакция восьмой статьи была написана, в нее внесли редакционные правки, в том числе и в текст первого «преимущества». Если сопоставить первоначальный текст первого «преимущества», внесённые правки, а также Манифест, то можно сделать следующие наблюдения. В первоначальном тексте была зафиксирована норма: «Военным во время похода, ниже пред начатием онаго за три месяца, как об отпуске, так и об отставке из службы просить запрещается». В результате правки должен был появиться другой текст: «Военные внутри и вне государства ни во время похода, ниже пред начатием онаго за три месяца об отставке из службы просить да не дерза-

⁴⁰ Как показал О.А. Омельченко, часть бумаг Уложенной комиссии 1754–1766 гг. была взята в кабинет Екатерины II, а также Н.И. Паниным (*Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России.* М, 1993. С. 44, примеч. 64).

⁴¹ РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 15, ч. II, л. 288 об., 294 об.

⁴² Там же, л. 296.

ют, но по окончании». В Манифесте (п. 1) этот текст выглядит так: «Военные ни во время компании, ниже пред начатием оной за три месяца о увольнении из службы, или абшида просить да не дерзают, но по окончании как внутрь, так и вне государства». Также в первоначальном тексте было зафиксировано предписание: «Служившие у прочих Европейских государей российские дворяне, возвратясь в отечество своё, по желанию и способности их будут приниманы на упалыя места в нашу службу, бывшие в службе у коронованных глав теми ж чинами». Во время правки было внесено следующее добавление к словам «теми ж чинами» – «на которые патенты объявят». В п. 5 Манифеста это предписание выглядело так: «Продолжающие службу, кроме нашей, у прочих европейских государей российские дворяне, могут, возвратясь в отечество своё, по желаниям и способности вступить на вакансии в нашу службу; находящиеся в службах коронованных глав теми ж чинами, на которые патенты объявят»⁴³.

Можно было бы привести ещё несколько сравнений, однако все они позволяют сделать вывод, что Манифест написан на основе текста, совпадающего с первоначальным текстом первого «преимущества». Отдельный вопрос – это происхождение правки, которая дословно совпадает с фразами Манифеста. Можно предположить, что эта правка предшествовала Манифесту и стала одним из его источников. Однако более вероятно обратное влияние: когда был утверждён текст Манифеста, черновик «первого преимущества» был отредактирован в соответствии с ним. На это указывает следующее. В первоначальном тексте имела фраза о необходимости содержать при Сенате и его конторе нескольких человек «из отставных дворян для всяких случающихся надобностей». При правке появилось, а затем оказалось зачеркнуто выражение «указом еще г[осу]д[а]ря Петра Перваго». Это выражение присутствует в Манифесте⁴⁴. В то же время в текст петровского беловика главы «О дворянах и их преимуществе» оно не попало, в отличие от других, не зачёркнутых правок⁴⁵. Таким образом, на основании приведённых данных можно утверждать, что обнаруженный мною текст содержит черновую редакцию Манифеста, которая, затем положенная в основу беловой редакции Манифеста, оказалась в Уложенной комиссии и использовалась при создании уже петровской редакции главы 22.

Р.И. Воронцов, скорее всего, имел отношение к созданию такого черновика Манифеста. Вполне возможно, что черновик был непосредственно создан в комиссии под его руководством. В то же время, принимая во внимание гипотезу С.В. Польского, что Воронцовым готовился расширенный проект Манифеста, можно задать вопрос: не является ли вся найденная мною черновая редакция восьмой статьи главы 22 проектом Манифеста? Ответ на него даёт «седьмое преимущество» этого черновика, посвящённое праву дворян свободно распоряжаться их недвижимым имуществом. В нём была записана норма, что дворяне могут в своих деревнях «рудокопные и другие заводы учредить, тако ж завести всякия мануфактуры, как о сих двух последних пространнее в следующих преимуществах и статьях изъяснено» (выделено мной. – М.К.)⁴⁶. Если предположить, что текст о «преимуществах» писался не как статья из 22-й главы III книги Уложения, а как отдельный законодательный акт, стано-

⁴³ ПСЗ-И. Т. 15. № 11444. С. 913.

⁴⁴ РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 15, ч. II, л. 297; ПСЗ-И. Т. 15. № 11444. С. 914.

⁴⁵ РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 63, ч. II, л. 380.

⁴⁶ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 15, ч. II, л. 298 об.

вится неясным, в каких «статьях» должно было «пространнее изъяснено» это дворянское преимущество. Если же предположить, что текст восьмой статьи продолжал рассматриваться как часть Уложения, всё становится понятным: девятая и десятая статьи 22-й главы о дворянстве были посвящены дворянскому предпринимательству⁴⁷. К тому же, как отмечалось ранее, идея восьмой статьи, содержащей подстатьи с «преимуществами», не связана с Манифестом. Таким образом, нельзя рассматривать весь этот текст как проект Манифеста.

Конечно, следует понять, почему этот текст был включён в восьмую статью главы «О дворянах и их преимуществах» до публикации Манифеста. Как показал ещё В.Н. Латкин, с начала 1762 г. в Петербург стали съезжаться выбранные депутаты от дворянства и купечества, которые должны были приступить к слушанию проекта Уложения⁴⁸. Сама же комиссия уже в декабре 1761 г. приступила к слушанию четвёртой книги Уложения, т.е. третья книга, в которой и находилась глава 22, была в целом готова⁴⁹. Однако повеление Петра III о вольности дворянской 17 января 1762 г. требовало внесения в проект Уложения соответствующих корректив. Стараясь как можно быстрее завершить работу над данной главой, некий автор создал текст, которому следовало стать основой Манифеста, а также одновременно войти и в Уложение. После того, как Манифест был подписан сенаторами, или же после его утверждения Петром III в комиссии в черновик, созданный для Уложения, вносят соответствующую правку и оформляют беловой вариант 22-й главы. Об этом свидетельствует и такая особенность оформления первой подстатьи («первого преимущества») восьмой статьи в беловике, как её разбиение на подподстатьи в соответствии с Манифестом⁵⁰, хотя изначально для Уложения этого не предусматривалось.

Можно предположить, что после 17 января Р.И. Воронцову, как одному из сенаторов, а также главе Уложенной комиссии, было доверено подготовить основу для текста Манифеста, что он и сделал. С одной стороны, в этот текст включались основные предписания Петра III, с другой – более подробно прописывалась процедура отставки, в том числе «с награждением за беспорочную службу при чистой ото всех дел отставке по одному чину, ежели в том, с которым к отставке идут, были болше года», а также возвращения на службу после отставки. Однако автор текста всё же сохранил несколько элементов обязательной службы для дворянства.

Во-первых, это предписание «при Сенате и онаго канторе быть по несколку человек из отставных дворян для всяких случающихся надобностей... отныне впредь всегда по тритцати, а при канторе онаго по дватцати человек, для чего Герольдии ежегодно по препорции из живущих в губерниях, а не в службах находящихся дворян, наряд чинить, не именуя никого, но оставляя выборы сии самим меж собою дворянам в губерниях и провинциях»⁵¹. В связи с этим отмечу, что 25 марта 1762 г. члены Уложенной комиссии, находясь в доме Р.И. Воронцова, рассматривали первую книгу Уложения, посвящённую организации государственного управления. При рассмотрении пятой статьи главы 1 было внесено следующее: «Определить в помощь губернаторов и воевод депутатов тех городов от дворянства губернии по три человека, двух той губернии от

⁴⁷ Там же, л. 293 об.–294.

⁴⁸ *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Т. I. СПб., 1887. С. 101–124.

⁴⁹ *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 227.

⁵⁰ РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 63, ч. II, л. 378–381 об.

⁵¹ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 15. ч. II, л. 296–297 об.

правинци, а третьяго той губернии ж от всех правинцей, а в правинци тех же правинцей по два человека, а в воеводския ж городовыя по одному человеку с переменою погодно. И присудствовать по очереди ис тех депутатов по одному как в губерниях, так и правинци, а иных магистратах токмо в тех городах, где кто в присутствии и от дворянства выбран»⁵². Таким образом, предложения о привлечении отставных дворян к управлению через организацию дворянских выборов в провинциях и губерниях были вполне созвучны тем идеям, которые обсуждались в 1762 г. в Уложенной комиссии.

Во-вторых, это была норма, согласно которой отставку от службы запрещалось давать тем дворянам, которые «в салдатах и прочих нижних обер-офицера чинах... разве кто более двенадцати лет военную продолжал службу». В-третьих, автор черновика предполагалось введение обязательного образования для детей дворян, «за коими не более тысячи душ крестьян». Таким дворянам следовало «детей своих объявлять прямо в нашем шляхетном кадетском корпусе, где они со всяким прилежанием обучаемы будут, а по изучении всякой по его достоинству с награждением чина выпустится, и по тому вступить и продолжить службу по вышеписанному установлению невозбранно может»⁵³. Напомню, что в 1761 г. в Уложенной комиссии разрабатывались нормы, посвящённые введению обязательного образования для всего дворянства. При этом в комиссии полагали, что дворянин должен начинать свою службу, получив в результате такого образования обер-офицерский чин. В солдаты же должны были определяться «до выслуги» малообразованные дворяне⁵⁴. Следовательно, предложив запрет на отставку дворянам, не дослужившимся до обер-офицерских чинов, а также введение обязательного образования для бедного и среднего дворянства, автор черновика следовал в русле идей Уложенной комиссии 1761 г. Впрочем, следует принять во внимание, что в 1761 г. Уложенная комиссия составляла свои проекты под влиянием идей И.И. Шувалова, который не был сторонником дворянской вольности служить и не служить⁵⁵, а шуваловские образовательные идеи, как отмечала ещё К.С. Леонард, оказывали определённое влияние и на политику Петра III⁵⁶.

На основании источников, которые имеются в нашем распоряжении, можно прийти к выводу, что с Уложенной комиссией и Р.И. Воронцовым как её руководителем была связана не идея вольности дворянства служить и не служить, а скорее элементы ограничения этой вольности. Однако при этом следует обратить внимание на следующее сообщение австрийского дипломата Ф. Мерси Аржанто: «Всеобщая радость русского дворянства по поводу дарованных в будущем льгот сильно уменьшилась от тех затруднений, которые встретились при потребовавшемся подробном разъяснении главного манифеста, возвещающего эту царскую милость, потому что, хотя государю были представлены два различные проекта, по которым русским уже предоставлялись гораздо меньшие права, чем те, какими пользуется лифляндское дворянство, тем не менее оба они отвергнуты государем, даже по той причине, что даруемая по ним свобода слишком велика»⁵⁷. О схожем доносил в Париж

⁵² Там же, ф. 342, оп. 1, д. 42, л. 176.

⁵³ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 15, ч. II, л. 297.

⁵⁴ См.: Киселёв М.А. Указ. соч. С. 36.

⁵⁵ Там же. С. 32–35.

⁵⁶ Leonard C.S. Reform and Regicide: the Reign of Peter III of Russia. P. 58–59, 174.

⁵⁷ Сборник ИРИО. Т. 18. С. 116.

французский посол барон Л.-О. Бретейль⁵⁸. В этих сообщениях необходимо обратить внимание на информацию об активной позиции Петра III, который имел определённые представления о возможных пределах вольности для российского дворянства. Таким образом, сохранение элементов обязательной службы могло быть связано не только с Уложенной комиссией, но и с позицией императора.

Конечно, следует также затронуть вопрос о возможном содержании отклонённых Петром III проектов. Как отмечалось выше, С.В. Польской полагает, что одним из них был гипотетический проект «расширения дворянских прав с утверждением монополий дворянства на землю и крепостных, винное производство и торговлю», якобы составленный Р.И. Воронцовым. Однако Ф. Мерси Аржанто ничего не писал про имущественные права дворян. В связи с этим следует привести следующее сообщение австрийского дипломата гр. В. Кауницца, написанное уже после подписания Петром III Манифеста: «Ваше сиятельство, вероятно, соблаговолили заметить из моего почтительнейшего письма от 1-го февраля, каким образом император тотчас по вступлении на престол дал разрешение и право здешнему дворянству вступать в службу к иностранным европейским державам, подобно тому, как это принято в других европейских государствах и как это предоставлено лифляндским и эстляндским дворянам по миру, заключённому со Швециею в 1721 году... Русское дворянство, прежде нежели вполне уразумело содержание указа, выразило чрезмерную радость о предоставляемой свободе, теперь же огорчено тем сильнее, видя, что сущность этого указа и особенно конец его не оставляет надежды, что оно будет пользоваться по желанию этими привилегиями»⁵⁹. Как видно из этого сообщения, предметом недовольства для российского дворянства оказались сохранившиеся элементы обязательной службы. Скорее всего, отвергнутые проекты в отличие от Манифеста таких ограничений не содержали.

После того как черновая редакция Манифеста была подготовлена, скорее всего, при участии Уложенной комиссии в лице её руководителя Р.И. Воронцова, она поступила в Сенат, где её отредактировал генерал-прокурор А.И. Глебов. О роли последнего в создании Манифеста есть несколько свидетельств современников. Прежде всего, следует указать на сообщение Ф. Мерси Аржанто от 1 февраля (21 января ст.ст.) 1762 г., что «главными виновниками» новых распоряжений, которые могли бы для Петра III «снискать... любовь и преданность всего русского народа», включая дарование вольности дворянству, «безошибочно можно считать: фельдмаршала Трубецкого, генерал-прокурора Глебова и сенатора Воронцова»⁶⁰. Это было всего лишь предположение, хотя и уверенно высказанное. Однако в донесении от 26 февраля (15 февраля ст.ст.), когда Манифест уже подписали сенаторы, но ещё не утвердил Пётр III, Мерси Аржанто сообщал, что «наибольшее участие в этих делах», среди которых было и дарование вольности дворянской, «принимает генерал-прокурор Сената Глебов благодаря тому доверию, которым он пользуется»⁶¹. Следовательно,

⁵⁸ Leonard C.S. Reform and Regicide: the Reign of Peter III of Russia. P. 57.

⁵⁹ Сборник ИРИО. Т. 18. С. 238–239.

⁶⁰ Там же. С. 82. Отметим, что С.В. Польской при цитировании этого сообщения опустил упоминание о кн. Н.Ю. Трубецком, наверное, чтобы убедительнее обосновать роли Р.И. Воронцова и А.И. Глебова в инициировании Манифеста (Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...». Р. 323).

⁶¹ Сборник ИРИО. Т. 18. С. 140.

если Мерси Аржанто роль Трубецкого и Воронцова только предполагал, то об участии Глебова он писал, как о факте. Кроме того, Я. Штелин в своих мемуарах отмечал, что именно Глебов «сочинил» Манифест «о свободе русского дворянства»⁶². Если сравнивать нормы черновика, подготовленного при участии Уложенной комиссии, и нормы итогового варианта Манифеста, следует признать, что правка в основном носила стилистический, а не содержательный характер. Также автором белой редакции было написано предисловие и осуществлена разбивка нормативной части на пункты. 8 февраля 1762 г. сенаторы, во исполнение повеления Петра, подписали представленный им текст Манифеста⁶³, после чего Пётр, не внося каких-либо изменений, утвердил его 18 февраля⁶⁴.

В связи с предложенной реконструкцией следует упомянуть и известный анекдот М.М. Щербатова об истории Манифеста, которую ему поведал якобы сам Д.В. Волков: «Пётр Третий, дабы сокрыть от графини Елисаветы Романовны, что он всю ночь будет веселиться с новопривозною, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в разсуждении благоустройства государства. Ночь пришла; государь пошёл веселиться с к[нягиней] К[уракиной], сказав Волкову, чтобы он к завтраму какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с дацкою собакою. Волков, не зная причины, ни намерения государского, не знал, о чём писать, а писать надобно. Но, как он был человек догадливой, то вспомнил нередкия вытвержения государю, от графа Романа Ларионовича Воронцова, о вольности дворянства. Седши, написал манифест о сём. По утру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнаругован»⁶⁵. Как было показано выше, текст Манифеста имел, самое меньшее, две редакции – черновую и белую. Кроме того, созданию этих редакций предшествовало выступление Петра III в Сенате 17 января. Таким образом, изложенная версия об одномоментном написании текста Манифеста не может быть признана достоверной. Возможно, что этот анекдот был выдуман М.М. Щербатовым от начала до конца. По крайней мере, Я.Е. Водарский высказал обоснованное предположение, что Щербатов мог подделать исторический документ, чтобы использовать его для подтверждения собственных политических взглядов⁶⁶. Кроме того, можно предположить, что Щербатов не совсем верно понял и изложил волковский рассказ.

Если же допустить, что этот анекдот был не выдумкой, то его можно следующим образом вписать в контекст создания Манифеста. Во-первых, стоит обратить внимание, что сенаторы подписали текст Манифеста 8 февраля, а Пётр III, не внося ни малейших изменений, – только 10 дней спустя. Во-вторых, следует принять во внимание, что некоторые документы для Петра переводились с русского на немецкий⁶⁷. В связи с этим можно предположить, что Р.И. Воронцов напоминал Петру III не просто о «вольности», а о необходимости подписать Манифест. Схожим образом можно интерпретировать и упо-

⁶² Штелин Я. Указ. соч. С. 48.

⁶³ РГАДА, ф. 248, д. 3427, л. 134–138.

⁶⁴ РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 96, л. 99–103 об.; ПСЗ-И. Т. 15. № 11444. С. 912–915.

⁶⁵ Щербатов М.М. Указ. соч. Стб. 224.

⁶⁶ См.: Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 151–156.

⁶⁷ РГАДА, ф. 203, оп. 1, д. 3, л. 23. Один из таких переводов: Там же, ф. 178, оп. 1, д. 27, л. 52–56 об.

минавшееся воспоминание Екатерины II о том, что Воронцов и А.И. Глебов докладывали Петру, «дабы дать волю дворянству». Д.В. Волков же, будучи «заперт в пустую комнату с дацкою собакою», не создавал оригинального текста Манифеста, а осуществил его перевод на немецкий язык⁶⁸. На следующий день этот перевод был прочитан Петром и утверждён. Камер-фурьерский журнал за 1762 г., позволяет указать на возможную ночь, когда произошли описанные М.М. Щербатовым события. 16 февраля придворным служителям сообщили, что на следующий день «как по утру, так и после полудня, приезда быть не имеет»; 17 февраля Пётр «обеденное и вечернее кушанье изволил кушать в столовой комнате»⁶⁹. Вполне возможно, что ночь с 16 на 17 февраля была выбрана Петром III для посещения кн. Куракиной, в связи с чем придворным служителям и было предписано не являться утром 17 февраля ко двору. Уже 17 февраля Пётр мог ознакомиться с подготовленным Волковым переводом и утвердить его, чтобы 18 февраля подписать официально оформленный русский текст Манифеста.

Подводя итог, следует констатировать, что все рассуждения историков (прежде всего, Г.В. Вернадского, Н.Л. Рубинштейна и С.В. Польского) о противоборстве представителей имперской элиты (Р.И. Воронцова, И.И. Шувалова, П.И. Шувалова, А.И. Глебова, Д.В. Волкова) вокруг вольности дворянства служить и не служить, а также Манифеста, её провозгласившего, оказываются основанными на не всегда корректных истолкованиях свидетельств современников и косвенных данных документальных источников. Прямых свидетельств о такой борьбе на настоящий момент историками не предоставлено. Весьма сомнительными оказываются и построения о существовании придворных группировок («Шуваловых» и «Воронцовых»), которые вели такую борьбу. Более того, историки пока не привели ни одного источника, который бы однозначно свидетельствовал о том, что до выступления Петра III в Сенате 17 января 1762 г. эта вольность обсуждалась дворянством. Соответственно, повисают в воздухе концепции, рассматривающие Манифест как результат борьбы дворян за свои сословные права. К ним, в частности, можно отнести мнение Б.Н. Миронова, что «18 февраля 1762 г. Пётр III отчасти из-за страха перед дворянством, отчасти из-за угрозы дворцового переворота, а также руководствуясь государственными и династическими соображениями, издал Манифест о вольности дворянской»⁷⁰, а также позицию А.Б. Каменского, что «итогом борьбы дворянства за оформление своего привилегированного статуса стал Манифест о вольности дворянства 1762 г.»⁷¹. Государство в России XVIII в. было скорее местом взаимодействия дворян друг с другом и с правящим домом, нежели антагонистом дворянского сословия.

При анализе источников, связанных с историей Манифеста, обращает на себя внимание активная роль Петра III, который, согласно Я. Штелину, ещё до своего восшествия на престол говорил о желании дать вольность служить и не служить российскому дворянству. До Петра III представители дворянства толь-

⁶⁸ Как отмечалось ещё в 1754 г., Д.В. Волков по-французски и по-немецки «пишет весьма изрядною рукою» (Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1871. С. 630).

⁶⁹ Журналы камер-фурьерские, 1762 года. С. 37–38.

⁷⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 378.

⁷¹ Каменский А.Б. Становление Российской империи // Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 564.

ко обсуждали возможность ограничения срока службы⁷². Возможно, что сама мысль об освобождении дворянства от службы выглядела настолько смелой, что её смог только высказать наследник престола, чтобы затем реализовать, получив императорскую власть. Показательно, что ряд положений Манифеста можно связать с деятельностью приближённых Петра III, однако они были направлены скорее на ограничение провозглашенной вольности, а не на её развитие. Следовательно, Манифест следует рассматривать в контексте сословной политики Петра III, а не как результат борьбы дворян за свои сословные права. В то же время остаётся актуальным вопрос об идейном контексте Манифеста, сделавшем возможным его принятие. И здесь важную роль могло сыграть развитие представлений о том, что российское благородное дворянство было равно по своему положению благородным сословиям европейских государств и, соответственно, могло обладать схожими правами и вольностями. В связи с этим показательны не только отсылки к правам лифляндского дворянства, но и процитированная записка М. Эка о том, что российскому дворянству «вольность» была дана Петром III «на таком самом основании, какое в европейских государствах ползуется». В этом смысле, на мой взгляд, перспективным является анализ представлений о социальной иерархии и о дворянстве как сословии в России XVIII в., который позволит понять идейный контекст не только Манифеста, но и других законодательных актов, определявших статус дворянства.

⁷² См.: например: *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 263–264; *Бабич М.В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013.